

Н. А. Хохлова

ОБЗОР АРХИВА Д. П. ОЗНОБИШИНА

Имя поэта Дмитрия Петровича Ознобишина (1804—1877) сегодня почти забыто, между тем современникам он был хорошо известен; некоторые стихотворения, например «Кювье», при жизни поэта стали хрестоматийными.

Круг интересов Д. П. Ознобишина был чрезвычайно широк: он был одним из первых русских поэтов-ориенталистов, ученым-востоковедом, переводчиком-полиглотом (знал 9 языков), фольклористом, этнографом, активным общественным деятелем.

Как литератор Ознобишин сформировался в начале 1820-х годов среди участников кружка С. Е. Раича (1823—1825) и Любомудров. Здесь истоки его литературных и дружеских пристрастий: близкие отношения с С. Е. Раичем, М. П. Погодиным, В. П. Титовым, В. Ф. Одоевским, П. А. Вяземским он сохранил до конца дней.

И биография, и творчество поэта изучены недостаточно. Среди работ дореволюционного периода следует отметить статьи А. П. Горизонтова¹ и Б. Л. Модзалевского.² При жизни сочинения Ознобишина никогда не выходили отдельными изданиями и до последнего времени оставались несобранными. В 1992 г. появился первый сборник стихотворений, подготовленный Т. М. Гольц, единственным в современном литературоведении исследователем его жизни и творчества.³ Ей принадлежит и биографический очерк, написанный в своеобразной беллетристической форме.⁴

---

¹ *Горизонтов А. П.* Биография Д. П. Ознобишина. СПб., 1878.

² Русский биографический словарь. СПб., 1905. Т. 12. С. 197—198.

³ *Ознобишин Д. П.* Стихотворения/Сост. вступ. ст. и примеч. Т. М. Гольц. М., 1992 (Поэтическая Россия).

⁴ *Гольц Т. М.* Сердце брата. Очерк. Душанбе, 1964. 2-е изд., испр. и доп. Душанбе, 1991.

Настоящий обзор, посвященный архиву Д. П. Ознобишина, хранящемуся в Рукописном отделе Пушкинского Дома и содержащему наибольшее количество творческих рукописей поэта, может дополнить эти работы.⁵ Первая его часть посвящена биографии, которая воссоздана преимущественно на основе архивных документов, а вторая — собственно обзорю фонда (ф. 213; 1820—1877 гг.).

1

Дмитрий Петрович Ознобишин родился в 1804 г. (точная дата неизвестна) в родовом имении своего отца, селе Троицком, недалеко от Казани. Ознобишины принадлежали к древнему дворянскому роду, происходившему, «по сказаниям старинных родословцев, от польского выходца Филиппа Ознобиши, приехавшего в Москву в 1423 г.».⁶

Отец поэта, Петр Никанорович, был директором банка в Астрахани. Мать, Александра Ивановна, урожд. Варваца, — дочь известного мецената, грека И. А. Варваца. Ознобишины имели двух сыновей — Дмитрия и Ивана и четырех дочерей — Елизавету, Варвару, Александру, Екатерину. Обо всех них, кроме Варвары (в замужестве Базилевской), с которой Дмитрий Петрович переписывался в течение всей своей жизни, сохранились крайне скудные сведения.

В раннем детстве ребенок лишился обоих родителей, и тогда опеку над ним взял его дед, И. А. Варваца. Он хотел поместить внука в Горный корпус, инспектором которого был его родственник А. Р. Казадаев, впоследствии сенатор. Однако эти планы не удалась: А. Р. Казадаев оставил службу и принял мальчика в свое семейство. Здесь будущий поэт прожил пять лет и получил, по-видимому, очень хорошее образование; учителями его были известный ученый-географ К. И. Арсеньев и актер И. И. Сосницкий.

---

⁵ Кроме того, фонды Ознобишина хранятся в Государственном Литературном музее (М.) (ф. 13, 292 единицы хранения; середина XIX в.; в основном это работы по фольклору; см. обзор этого архива: Песни, собранные писателями. Новые материалы из архива П. В. Киреевского. Публикация С. И. Минц. Вступит. статья Т. Г. Динесман//Литературное наследство. М., 1968. Т. 79. С. 513—520), в ЦГАЛИ (Москва) (ф. 1121, 4 единицы хранения: 1854—1867 гг.), в ГПБ (ф. 1069, 26 единиц хранения; 1698—1746 гг.: собрание документов, актов и грамот, относящихся к землепользованию и владению крепостными крестьянами в Пензенском, Саранском, Симбирском уездах).

⁶ Энциклопедический словарь/Под ред. Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1897. Т. 42. С. 775.

В 1819 г. его привезли в Москву и определили в Университетский благородный пансион, учеба в котором и стала начальным этапом творческой биографии. К 1820—1822 гг. относятся его первые поэтические опыты,⁷ частично вошедшие в сборник «Мечты» (1821—1822), который, очевидно, предназначался для печати, но опубликован не был.⁸

Ознобишин постоянно был одним из первых учеников Пансиона и обратил на себя внимание преподавателей — М. Т. Каченовского, И. И. Давыдова, А. Ф. Мерзлякова, при содействии которых были опубликованы его стихотворения «Старец» и «Послание к Т...у».

В апреле 1823 г. он окончил Пансион и 21 августа 1824 г. поступил на службу в Московский почтамт, где под руководством известного лингвиста И. А. Рутковского осуществлял цензуру французских периодических изданий.⁹

Учеба в Пансионе и первые годы после его окончания — это период наиболее интенсивного общения, время литературных исканий и многочисленных знакомств. Ознобишин становится деятельным участником литературной жизни московской молодежи. Его избирают секретарем кружка Раича, членами которого в основном были его друзья по Пансиону.

В это же время под руководством ученого муллы он занимается арабским и фарси, а также слушает лекции известного ориенталиста, профессора Московского университета А. В. Болдырева. Известно, что Ознобишин изучал восточные языки и с практической целью, так как хотел принять участие в посольстве А. С. Грибоедова в Персию; однако сведений об их знакомстве не обнаружено. Вероятно, плодом этих занятий стала восточная повесть «Спор», опубликован-

---

⁷ В числе их «Трубадур» (перевод с французского) (1820) (пансионский альманах «Каллиопа», ч. 4), «Утренний гимн» (Вестник Европы. 1821. Ч. 117, № 7—8. С. 172; отд. изд. 1821), «Всемогущество Божие в природе и человеке» и хор «Се день науками вожденный» (отд. оттиск 1822 г.), «Старец» (Вестник Европы. 1821. Ч. 116, № 4. С. 252), «Послание к Т...у» (В. П. Титову) (Там же. 1821. Ч. 118, № 10. С. 88).

⁸ ИРЛИ, ф. 213, № 22 (далее при ссылках на материалы этого фонда в тексте в скобках указываются только номер единицы хранения и лист). Сборник «Мечты» и последующие поэтические альбомы Ознобишина подробнее рассматриваются во второй части настоящего обзора.

⁹ В «Библиографии» П. В. Быкова к «Словарю русских писателей» несколько иные сведения: «Окончив курс, служил в Московском архиве ведомства Министерства иностранных дел и затем в Московском почтамте» (ГПБ, ф. 118, № 59, л. 122).

Сведения о службе здесь и в дальнейшем — из копии формулярного списка, выполненной Б. Л. Модзалевским и приложенной к делу фонда Ознобишина. Местонахождение оригинала установить не удалось.

ная в 1826 г. в альманахе «Урания», а также статьи: «О духе поэзии восточных народов...»¹⁰ и «Изображение санскритской литературы».¹¹ Все они подписаны псевдонимом «Делибюрадер», что в переводе с арабского означает «сердце брата». Однако бо́льшая часть работ, посвященных восточным языкам и литературе, осталась неопубликованной.

Ознобишин принимал самое живое участие в издательских планах своих друзей, прежде всего Раича. В то время, когда, по словам Н. П. Колюпанова, «⟨...⟩ потребность в новом журнале живо сознавалась всеми лицами, принимавшими участие в литературном движении», Раич писал Ознобишину 18 июня 1826 г.: «Сегодня получил я из Петербурга ответ на письмо мое, в котором спрашивал о судьбе, постигшей давнишнюю просьбу нашу о позволении издавать журнал. Каков, думаете вы, этот ответ? «По справке оказалось, так пишет приятель, что просьбы вашей в Канцелярии М(инистерства) просв(ещения) нет!» — Что делать? Авось Михайло Петрович ⟨Погодин⟩ будет счастливее меня».¹² Не осуществив замысел издания журнала, Раич и его друзья стали активными участниками альманахов М. П. Погодина «Урания» (1826) и М. А. Максимовича «Денница» (1830). А в 1827 г. Раич и Ознобишин издали свой альманах «Северная лира»,¹³ появление которого было заметным явлением в русской литературе 1820-х годов. Единственное упоминание Пушкина об Ознобишине содержится именно в рецензии на этот альманах: «Заметим, что г-ну А. Норову не должно было бы переводить Dante, а г-ну Ознобишину Андрея Шенье. Представляем арабским журналистам заступаться за честь своих поэтов, переводимых г-м Делибюрадером, что касается до нас, то мы находим его предложения изрядными для татарина».¹⁴ А В. Г. Белинский, положительно отзываясь об «алманачном» периоде русской литературы, упоминает и авторов «Северной лиры».¹⁵

---

¹⁰ Сын отечества. 1826. Ч. 105. № 4. С. 382—402; Ч. 106. № 5—8. С. 63, 161, 272, 351.

¹¹ Там же. 1827. Ч. 114. С. 321; Ч. 115. С. 53.

¹² Цит. по: Васильев М. Из переписки литераторов 20—30 гг. XIX в. (Д. П. Ознобишин — С. Е. Раич — Э. П. Перцов) // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском ун-те. Казань, 1929. Т. 34, вып. 3—4. С. 176.

¹³ Северная лира на 1827 год. Изд. подготовили Т. М. Гольц и А. Л. Гришунин. М., 1984 (серия «Литературные памятники»). В «Приложениях» помещена статья Т. М. Гольц «„Северная лира“, ее издатели и авторы» (с. 237—311).

¹⁴ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 17 т. [М.; Л.], 1948. Т. XI. С. 48.

¹⁵ Белинский В. Г. Полн. собр. соч.. М.; Л., 1953. Т. 1. С. 21, 318; Т. 4. С. 342, 441; Т. 6. С. 493; Т. 8. С. 215, 223.

В 1828 г. К. Ф. Калайдович начал издание журнала «Русский зритель», но болезнь помешала ему. Собранный материал был опубликован в 1—6-й книжках Погодиным, а в 7—8-й — Ознобишиным.¹⁶

Наконец, в 1829 г. Раич становится издателем журнала «Галатей», выходявшего в 1829—1830 и в 1839—1840 гг. Одним из активнейших участников журнала был Д. П. Ознобишин: здесь он поместил 26 своих произведений, в том числе и наиболее известные: «Магоммед», «Поэт и светский человек», «Прости, Пятигорск», «Кавказская ночь».

В 1828 г. происходят трагические события в жизни семьи Ознобишиных, о которых мы узнаем из письма двоюродного брата поэта — Д. А. Трубникова, датированного маем 1829 г.: «...вряд ли чье семейство в короткое время потеряло столько потерь, и надобно иметь долготерпение Иова. Болезнь сестры очень меня огорчает, вам надобно везти ее в Москву...»¹⁷ Схоже по своей тональности и письмо неизвестного от 30 января 1829 г.: «Ты удивляешь меня своими злополучиями; с чувством глубоким, но неизъяснимым я прочитал твое письмо: ни врагу моему не желаю быть в твоём положении. Это что-то выисканно жестокое и скорбное» (№ 144, л. 1).

Хотя конкретной информации эти документы почти не содержат, из контекста письма Д. А. Трубникова следует, что речь, видимо, идет о душевном расстройстве младшей сестры Ознобишина Александры. Заметим кстати, что в этом же письме Трубников утешает его по поводу неудачного сватовства «к Мал...» (по-видимому, к О. П. Малевинской)¹⁸ и одновременно намекает на автобиографичность стихотворения «Меня обманула улыбка одна».¹⁹

В октябре 1828 г. Ознобишин вынужден был оставить службу и переехать из Москвы в Троицкое. Но несмотря на семейные трудности, он не прекратил своих разнообразных занятий. «Дмитрий Петрович не только поэт, но и ученый, знает многие языки, даже восточные, любит историю и теперь особенно занимается английской литературой. Я видела

---

¹⁶ См.: *Колюпанов Н. П.* Биография Александра Ивановича Кошелева. М., 1889. Т. 1, кн. 1. С. 573.

¹⁷ *Васильев М.* Из переписки литераторов... С. 180.

¹⁸ Никаких сведений об Ольге Петровне Малевинской установить не удалось; возможно, она была соседкой Ознобишина по имению. Ей он посвятил стихотворения «Счастливый путь!», «Высохший листок (О. П. М-й)», «О. П. М.».

¹⁹ Галатей. 1829. № 15. С. 205 (автограф: № 24, л. 71 об.; датировано 1828 г.).

его библиотеку и получила позволение брать из нее книги; ²⁰ они также получают все русские журналы. Одним словом, я от них в восхищении» ²¹ — так писала мужу о Дмитрие Петровиче А. А. Фукс, сыгравшая определенную роль в его литературной судьбе. ²²

Гостеприимный дом Фуков был культурным центром Казани. Его посещали поэты и литераторы: Э. П. Перцов, М. Д. Деларю, Г. Н. Городчанинов, И. М. Симонов, М. С. Рыбушкин, А. Н. Ибрагимов, Второвы (отец и сын), а также Н. М. Языков. Вскоре и Дмитрий Петрович стал членом этого кружка. Участие в нем, вероятно, повлияло на формирование его этнографических интересов, хотя сложились они раньше, в «московский» период, в пору знакомства с И. В. Киреевским. По мнению Т. Г. Динесман, «замысел (...) Киреевского и Языкова, вероятно, стал известен Ознобишину в самом начале. Несомненно, что были ему известны и те практические положения, которые Киреевский изложил в своей „Песенной прокламации (...)“». ²³ Таким образом, сначала Ознобишин был лишь корреспондентом Киреевского в его работе над «Собранием русских народных песен», но в середине 1830-х годов он уже становится самостоя-

---

²⁰ Д. П. Ознобишину принадлежала богатейшая библиотека, «(...) около 28 000 томов с замечательным отделом восточных рукописей и книг по востоковедению. Лишь небольшая часть этого (...) собрания перевезена была внуком Ознобишина в Париж. Все остальное погибло во время революции». Тем не менее «(...) это одно из самых замечательных русских частных книжных собраний за рубежом». (*Туровеков Н.* Книжное собрание Д. И. Ознобишина и его Суворовский отдел//Временник Общества друзей русской книги. Париж, 1938. Ч. 4. С. 195—196). Сохранилось несколько писем Д. И. Ознобишина 1904—1908 гг. к Б. Л. Модзалевскому, где речь, в частности, идет об издании биографии его деда и состоянии его архива. См.: ИРЛИ, ф. 184 (фонд Б. Л. Модзалевского, в обработке).

²¹ Цит. по: *Бобров Е. А.* А. А. Фукс и казанские литераторы 30—40-х годов//Русская старина. 1904. Т. 119. С. 9.

²² Александра Андреевна Фукус (1805—1853) — поэтесса, этнограф, хозяйка литературного салона, существовавшего в Казани примерно с 1826 по 1846 г. Ей, в частности, принадлежит сборник «Стихотворения Александры Фукус» (Казань, 1834) и этнографический труд «Записки Александры Фукус о чумахах и черемисах Казанской губернии» (Казань, 1840), не потерявший, по оценкам специалистов, своей научной значимости по сей день. Ее муж, Карл Федорович Фукс (1776—1846), ученый-естествовед, профессор и ректор Казанского университета, принимал самое непосредственное участие в литературных и этнографических занятиях жены. А. С. Пушкин, будучи в Казани в 1833 г., побывал в семье Фуков. По его просьбе К. Ф. Фукс собирал материалы для «Истории Пугачевского бунта». Подробнее о нем см.: *Лаврский К. В., Пономарев П. А.* Карл Федорович Фукс и его время//Казанский литературный сборник. Казань, 1878. С. 223.

²³ Литературное наследство. М., 1968. Т. 79. С. 516.

тельным собирателем: у него появляются помощники — Н. Т. Аксаков и И. Ф. Базилевский, ближайшие друзья поэта.

Самостоятельная итоговая работа в области фольклора — это сборник «Русские песни», рукопись которого состоит из 6 тетрадей, включающих 88 песен.²⁴ Материал в нем расположен по географическому принципу, многие тексты сопровождаются комментариями и вариантами. По оценке Т. Г. Динесман, сборник «выполнен на уровне современной ему научной фольклористики» и стоит в одном ряду «с наиболее тщательно составленными фольклорными публикациями той поры».²⁵ Кроме того, Ознобишин готовил собрание русских народных сказок. Однако обе эти работы не были завершены и остались в рукописи. Собирая фольклор, он объездил почти всю Россию; среди друзей за ним установилась репутация поэта-путешественника. Н. М. Языков писал:

Где ты странствуешь? Где ныне,
Мой поэт и полиглот,
Поверяешь длинный счет?
Чать, в какой-нибудь пустыне,
На берегу бесславных вод...²⁶

Фольклор оказал заметное влияние на оригинальное творчество поэта: «К середине 1830-х годов Ознобишин был уже настолько (<...> знаком с народной песенной традицией, что сам успешно работал над созданием стилизаций народных песен. Одна из них — „Чудная бандура“ („Гуляет по Дону казак молодой...“), напечатанная в 1836 г. в „Московском наблюдателе“, вскоре (<...> превратилась в народную песню. Начиная с 1850-х годов она встречается в различных песенниках и широко бытует в многочисленных вариантах вплоть до 20-х годов нынешнего века».²⁷

Вероятно, именно в этот период, в конце 1820-х — начале 1830-х годов, Ознобишин совершает свою первую поездку за границу, о чем свидетельствует его воспоминание о пребывании в Геттингенском университете в качестве «собеседника» богословского отделения и частного преподавателя восточной словесности (из предисловия к «Персидской грамматике» (около 1840 г.): № 47).

---

²⁴ ЦГАЛИ, ф. 13, № 23.

²⁵ Литературное наследство. Т. 79. С. 519.

²⁶ Языков Н. М. Полн. собр. стихотворений. М.; Л., 1934. С. 404, 682 и 820 (ответ Ознобишина).

²⁷ Литературное наследство. Т. 79. С. 517.

К 1829 г. сложился его первый поэтический альбом, оставшийся, как и все три последующие, лишь в рукописи (№ 24; 1823—1829).

В 1830 г. отдельным изданием вышла повесть в стихах «Селам, или Язык цветов» (№ 37),²⁸ в основу которой был положен перевод с немецкого анонимного произведения «Die Blumensprache, oder Bedeutung der Blumen nach Orientalischer Art. Ein Toulettengeschenk» (Berlin, 1823).

В 1830-х годах Ознобишин активно печатался в альманахах «Денница» (1830), «Венера» (1831), «Сиротка» (1831), «Весенние цветы» (1835) и журналах, особенно часто в «Сыне отечества», «Молве», «Московском наблюдателе», «Отечественных записках», «Телескопе».²⁹

Из материалов начала 1830-х годов, оставшихся в рукописи, следует отметить шуточную поэму «Три способа» (№ 27) и второй поэтический альбом (№ 29, 1830—1832).

В 1828 г. Ознобишин становится членом Московского, затем Казанского обществ любителей российской словесности, а в 1835 г. — Датского королевского общества северных антиквариетов (дипломы обществ — № 147).

В 1835 г. он вступил в брак с Елизаветой Александровной Рогановской, женщиной незаурядной для своего времени. Она вполне разделяла интересы мужа. Занимавшаяся музыкой, переводами, обладавшая тонким художественным вкусом, она стала его музой: годы, прожитые с ней, наиболее плодотворны в творческом отношении. В 1837 г. у них родился сын Иван. Несколько ранее, в 1833 г., Ознобишин вновь поступил на службу: с июля 1833 г. по июль 1838 г. он был почетным смотрителем Карсунского уездного училища, а с апреля 1838 г. по апрель 1841 г. и с февраля 1844 г. по июнь 1847 г. — почетным попечителем Симбирской гимназии.

Семья Ознобишиных очень часто бывала в Москве и Петербурге. В одну из таких поездок, в 30-х годах, состоялось знакомство Ознобишина с Пушкиным в петербургском салоне Михаила Виельгорского.³⁰ Однако продолжения оно не имело.

В 1846 г. скончалась жена Дмитрия Петровича. Эта тяжелая утрата во многом изменила всю его дальнейшую

---

²⁸ Об этой повести см.: *Жирмунский В. М.* Байрон и Пушкин. Л., 1978. С. 257.

²⁹ Здесь, в частности, был опубликован перевод отрывка из поэмы Низами «Искандер-наме» — «Прибытие Александра Великого в степь Кеф-чака» (Телескоп. 1831. Ч. 6, кн. 24. С. 521—532).

³⁰ См.: *Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение. 2-е изд., дополн. Л., 1988. С. 303.

жизнь. По мнению биографов поэта, последние 30 лет жизни уже «не могут считаться продолжением некогда деятельных литературных занятий».³¹ Действительно, со смертью жены произошел перелом во всем внешнем и внутреннем строе его жизни: он вынужден был больше заниматься хозяйственными делами, имением, воспитанием сына и гораздо меньше литературой. Именно в этот период он пережил творческий кризис, постепенно отошел от оригинального творчества и преимущественно стал заниматься переводами из западноевропейской поэзии. Но и значительно ограниченная творческая деятельность периода 1846—1877 гг. весьма плодотворна и несомненно заслуживает внимания. Рассматриваемый же архив является ярким тому подтверждением, поскольку в нем находится значительное количество биографических и творческих материалов этого периода, ценнейшим из которых, без сомнения, является альбом третий (№ 21, 1830—1847). Он отличается законченностью композиции и представляет наибольшую художественную ценность в поэтическом наследии Ознобишина.

После смерти жены в 1847 г. он отправляется вместе с сыном Иваном за границу. География их путешествия такова: Северным морем они прибыли в Берлин, побывали в Лейпциге, Веймаре, затем отправились на курорт Крейцнах, где прожили несколько месяцев, потом переехали в Швейцарию, на курорт Веве; наконец, через Лозанну, Лион, Марсель прибыли в Ниццу в разгар революции 1848 г., которая и заставила их возвратиться раньше предполагаемого срока. Путь домой лежал через Геную, о. Мальту, Смирну, Константинополь. В Россию они приехали в самый разгар эпидемии холеры и вынуждены были в это опасное время совершить путь от Одессы до своего имения Троицкого.

Сохранились «Записная книжка, содержащая... дневник путешествия» (№ 54) и обширная переписка с И. Ф. и В. П. Базилевскими (№ 226, 227), дополняющая ее. Особенно интересен дневник путешествия, который, по мнению И. Я. Заславского, в какой-то мере продолжает традиции «Писем русского путешественника» Карамзина.³² Но по-

---

³¹ *Гербель Н. В.* Русские поэты в биографиях и образцах. 2-е изд., испр. и дополн. СПб., 1880. С. 350. Заметим кстати, что традиционно биографии Ознобишина заканчиваются этим декларативным заявлением, однако причины прекращения литературных занятий не указываются.

³² Подробное описание «Записной книжки...» имеется в статье И. Я. Заславского «Путевой дневник Д. П. Ознобишина» (Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1987. М., 1988. С. 40). Эту интересную статью нам хотелось бы дополнить одной любопытной цитатой — записью от 21 июня/3 июля 1847 г.: «Мы поплыли из Кронштадта на

сколько он уже был объектом исследования, обратимся к малоизученной переписке, содержащей множество биографических подробностей. Лейтмотивом многих писем являются воспоминания о жене; причем прямо об этом говорится очень редко, но косвенно мотив утраты присутствует постоянно. Можно предположить, что главной целью поездки было желание забыться, рассеяться после пережитого и одновременно поправить расстроенное здоровье. Возможно, в какой-то мере она была предпринята и ради сына Ивана, которому в то время исполнилось одиннадцать лет. Ознобишин чрезвычайно печется о его воспитании, нанимает учителей, особенно заботится о том, чтобы он овладел иностранными языками. Так, в письме от 25/13 февраля 1848 г. сообщается: «Он должен быть образован не поверхностно, а солидно, чтобы со временем быть полезну обществу и отнюдь не быть ему в тягость, чтобы наука была для него не игрушкой, а верною подругою в жизни и утешением под старость. Я желал бы, чтобы он смотрел на жизнь с той точки, как я гляжу на нее; это бы избавило его от многих печальных последствий разочарований» (№ 226, л. 79 об.).

Письма дают некоторый материал для размышлений об общественно-политических взглядах Ознобишина, в частности, о его отношении к крепостному праву. Так, в одном из них он писал: «Всматриваясь теперь за границы в быт здешнего престоноародья, которое не знает крепостного права, <...> я более и более убеждаюсь, что наши крестьяне под надзором доброго помещика несравненно счастливее здешних вольных <...> Наше крепостное право уже, слава Богу, не то, что было оно прежде. Личность крестьянина уже ограждена мудрыми законами, а собственность его, сколь она <...> ни ничтожна, священна для всякого благовоспитанного помещика» (№ 226, л. 60—61).

Ознобишин неоднократно, с особой настойчивостью подчеркивает свое равнодушие к политике, нежелание что-либо писать по этому поводу. Пожалуй, можно назвать лишь одно письмо (от 20 февраля/3 марта 1848 г.), посвященное революционным событиям этого года (№ 226, л. 82—82 об.). В нем описывается прибытие из Марселя в Ниццу французского корабля с беженцами. В целом же письма сугубо деловые, в них почти нет рассуждений о литературе, набросков

пароходе „Прусский орел“ <...> Я встретил многих знакомых: Ф. И. Тютчева с дочерью, Ал. Алекс. Руднева с Анной Николаевной Козловой и профессора О. И. Сенковского, который ехал вместе с ними к благословенным берегам Италии, чтобы оттоле быть в Париже и Лондоне» (№ 54, л. 5).

произведений,³³ и это, вероятно, следует расценивать как факт его постепенного отхода от литературы.

По возвращении в Россию Ознобишин очень активно занялся хозяйственной деятельностью, расширил свое имение, при участии И. Ф. Базилевского стал акционером золотых приисков,³⁴ занялся откупам. Примерно в это же время он определил сына в одно из привилегированных учебных заведений Москвы.³⁵

К началу 1860-х годов творческий кризис, по-видимому, проходит. Большая часть произведений, созданных в 1860—1870-х годах, осталась в рукописи; в основном это переводы, оригинальны лишь стихотворения на случай: тосты, посвящения и проч. Некоторые из них, посвященные В. И. Бекетовой, М. П. Бестужевой, А. И. Языковой (всего 10 произведений), были собраны Ознобишиным в поэтический сборник «Букеты на новый, 1867 год» (№ 2). Следует также отметить стихотворение «Н. А. Дубельт, урожденной Пушкиной» (№ 5, л. 27).

Всего же в рукописи сохранилось примерно 200 произведений этого периода. Назовем наиболее интересные из них. «Плач Ярославны» (без даты) (№ 12, л. 51—52). Этот перевод довольно близок к древнерусскому тексту.

«Последний пир» (1854) (№ 13, л. 18) — переложение библейской легенды о пире Вальтасара.

Переложения псалмов и «Предисловие» к ним (без даты) (№ 14, л. 45). Это был «задушевный труд» Ознобишина, религиозность которого с годами возрастала. Некоторые из его переложений вышли отдельным изданием — «Псалом VI, VIII, XV (в стихах)» (СПб., 1867).

«Снегурушка. Детская сказка из народных преданий» (1865) (№ 16, л. 1).

Русские народные песни в литературной обработке Ознобишина (без даты) (№ 4, л. 33).

Цикл произведений, посвященных Симбирску: «Старый городок. Сказка для детей» (без даты) (№ 4, л. 44—52); «Симбирск 1 декабря 1866 года. К 100-летию Н. М. Карам-

---

³³ Можно назвать лишь одно стихотворение в ностальгическом духе, а также просьбу к И. Ф. Базилевскому выписать на новый, 1848 год, «Библиотеку для чтения» и «Отечественные записки».

³⁴ Сведения об этом в письме от 26 мая 1849 г.: № 227, л. 25.

³⁵ Какое именно, неизвестно. Но, судя по тому, как тщательно Ознобишин занимался в это время своей родословной (№ 147, 148), можно предположить, что здесь имели право учиться дети, получившие подтверждение своей принадлежности к «древним благородным дворянским родам». Ходатайство о внесении его рода в VI разряд дворянской родословной книги Симбирской губернии было удовлетворено.

зна»; «Симбирский Ага»; «Симбирский приют» (посвящено Л. Н. Москвитиновой); «Симбирск после пожара 1864 г.» и др. (1864) (№ 15, л. 44—45).

Альбом, который можно назвать незаконченным (1830—1870) (№ 23).

Что касается публикаций, то в 1860—1870-х годах появилось в печати шесть произведений, причем три из них крупные. В 1861 г. в Петербурге вышел перевод повести И. Тегнера «Аксель», который, без сомнения, имеет большое художественное значение. К сожалению, этот перевод, необходимый для изучения творчества и И. Тегнера, и Ознобишина, мало известен исследователям.

В 1871 г. в Петербурге же появился перевод из Э.-Д. Булвер-Литтона «Сизиф и смерть. Милетская сказка». В предисловии автор писал: «Милетские сказочники пользовались в древности большой славой <...> лорд Литтон передал в стихах целый ряд мифологических рассказов под заглавием „Потерянные сказки милетские“ (Lost tales of Miletus). Одна из них предлагается в вольном русском переводе».

Последнее крупное оригинальное произведение Ознобишина вышло в Петербурге в 1875 г. Это «Шуточные реляции в стихах о французско-прусской войне 1870 и 1871 годов. Литературная импровизация» (СПб., 1875). «Поводом к этой юмористической импровизации, — писал автор, — был спор двух коротких приятелей при самом начале войны прусско-французской <...> следствием этого спора был между ними пари; побежденный обязан был угощать победителя после каждой реляции».

Кроме того, в 1850—1870-х годах Ознобишин активно печатался в «Сыне отечества», «Москвитянине», «Русском архиве». В «Литературной библиотеке» за 1866 г. появилась его статья «Заметки по вопросу о нашей печати и цензуре», написанная по поводу постановления 1865 г. о цензуре.³⁶ Автор полагает, что для современной «неопытной, подражательной и заносчивой» журналистики необходимы строгая цензура и компетентная критика. В целом же статья важна для понимания его консервативной литературной и общественно-политической позиции.

В «Памятной книжке Смоленской губернии на 1856 год» он опубликовал статью «Смоленская святыня». Это одна из последних его историко-этнографических работ.³⁷ В ней

³⁶ Литературная библиотека. 1866. Т. 5. С. 203—215.

³⁷ В рукописи остался «Исторический очерк гор. Симбирска... с приложением карты царства Казанского...», 1863—1864 гг. (№ 52).

имеется подробное описание иконы Смоленской Божьей матери. Интерес Ознобишина к Смоленску объясняется тем, что история его рода была тесно связана с этим городом. Предки его, как свидетельствует биограф, «сложили голову при царе Алексее Михайловиче на стенах Смоленских, охраняя от осаждающих поляков башни оной, из которых одна носит название Ознобишинской».³⁸ В 1853—1855 гг. он занимал должность почетного члена Смоленского губернского попечительства детских приютов.

Удалось установить, что Ознобишин выступил и в качестве драматурга: представления переведенной им с французского комедии И. Лука «Домовой» состоялись в Александринском театре 24 и 28 апреля 1857 г.

Особо следует сказать о его активной общественной деятельности в пореформенное время, когда он был членом Симбирского губернского статистического комитета и Особого присутствия по крестьянским делам. Еще в 1848 г. он писал по поводу готовящейся реформы: «... идут большие толки об эмансипации крестьян. Всякий благомыслящий человек этого желает <...> Желательно только, чтобы этот переход из первобытного состояния в новое произведен был постепенно, без крутого перелома <...> но постигают ли надлежащим образом крестьяне то новое положение, которое для них готовится? Большая часть из них <...> под словом свобода понимает совершенную праздность. Поэтому, чтобы приготовить их к этой свободе <...> нужно, чтобы они видели необходимость труда, в котором единственно будет заключаться источник их благоденствия» (№ 226, л. 73).

В 1861 г. вышло его «Руководство к изучению высочайше утвержденных его императорским величеством 19 февраля 1861 года Положений о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» (ч. 1—2. СПб., 1861). Во «Вступлении» к «Руководству» автор, в частности, писал: «...все эти вновь изданные законоположения наполнены духом кротости и миролюбия; <...> они проникнуты глубокою Царственною любовью к обоим сословиям Государства <...> и суть отражение той великой благодати, которая дышит в сердце Монарха, мудро задумавшего и твердо выполнившего великое дело — выведение из крепостной зависимости более 22 миллионов своего народа» (с. VIII). «Руководство» представляет собой толкование всех статей «Положений» в виде вопросов, которые выражают их основную мысль. Первоначально оно составлялось для себя лично, но впоследствии, осознав цен-

---

³⁸ <Горизонтов А. П.> Биография Д. П. Ознобишина. СПб., 1878. С. 3.

ность своего труда, автор решил издать его, чтобы облегчить многим восприятие и запоминание статей «Положений».

В 1850-х годах (точная дата неизвестна) Ознобишин женился вторично — на Таисии Константиновне Сенявиной, внучке адмирала Д. Н. Сенявина. 25 августа 1863 г. она умерла в родах, оставив новорожденную дочь Елизавету.³⁹

Известно письмо Ознобишина в опекунский совет (№ 149), в котором он просит позаботиться о сохранности наследства дочери, доставшемся ей от матери. Кроме того, ссылаясь на слабость здоровья, он просит назначить ей опекуна. Из переписки следует, что девочку взяла на воспитание бабушка, Елизавета Андреевна Кадомцева. Этот поступок можно объяснить не только «слабостью здоровья», но и чрезвычайно тяжелыми семейными обстоятельствами: в это же время стало известно о душевном расстройстве его сына Ивана. Ознобишин был очень угнетен этим, поместил его в клинику.⁴⁰ У бабушки Елизавета жила недолго и в дальнейшем воспитывалась дома.

Карьера Ознобишина была успешной: он вышел в отставку в чине надворного советника.

Последние годы жизни он провел в Троицком, часто при этом бывая в Симбирске, где жил в собственном доме на Панской улице (№ 149, л. 19 об.).

В марте 1877 г. Ознобишин поехал лечиться в Кисловодск на минеральные воды (№139, л. 38), где скончался 2 августа. В некрологе сообщалось: «Кончину его отчасти ускорило падение из экипажа. Этим объясняется следующее четверостишие, замечательное тем, что оно продиктовано престарелым поэтом за несколько часов до смерти:

Наш Кисловодск как раз услужит:
Вас заманит обильем вод,
Нардзана газами задушит,
А экипажами добьет».⁴¹

Похоронен Д. П. Ознобишин в Кисловодске.⁴²

³⁹ Елизавета Дмитриевна Ознобишина, в замужестве Малевинская, умерла 17 января 1899 г., похоронена в Новодевичьем монастыре (*Саитов В. Московский некрополь. СПб., 1908. Т. 2. С. 217*).

⁴⁰ О болезни сына сообщается в письме от 23 мая 1864 г. (№ 76). Вскоре он поправился, и в дальнейшем его судьба складывалась благополучно. В 1868 г. (?) он вступил в брак с Софьей Дмитриевной Толбузиной (№ 98), от которого были дети, внуки Д. П. Ознобишина: Дмитрий, Николай, Наталья. Иван Дмитриевич Ознобишин дослужился до чина действительного статского советника; умер 10 июня 1896 г., похоронен в Александро-Невской лавре, на Никольском кладбище (*Саитов В. Петербургский некрополь. СПб., 1912. Т. 8. С. 300*).

⁴¹ Новое время. 1877. № 535 (некролог).

⁴² См.: *Чернопятов В. И. Некрополь нескольких мест Кавказа. М., 1913. С. 46.*

Архив Д. П. Ознобишина (ф. 213) насчитывает 230 единиц хранения; среди них стихотворения — 29 ед. хр.; очерки, повести, рассказы, статьи — 9 ед. хр.; драмы и комедии — 5 ед. хр.; материалы к работе над персидским языком и литературой — 7 ед. хр.; переписка — 148 ед. хр.

Из творческих материалов наибольшую ценность представляют пять поэтических альбомов, каждый из которых, на наш взгляд, отражает определенный этап творческой эволюции поэта.⁴³

Юношеский сборник «Мечты» (1821—1822) (№ 22) — это собрание первых стихотворений начинающего поэта. Он состоит из двух частей; всего в нем 55 произведений, большая часть из них — антологического характера, много переводов из Парни. В целом чувствуются незрелость и подражательность; стихотворения Ознобишина изобилуют традиционными рифмами и образами, превратившимися в поэтические клише. Основные, эпикурейские мотивы часто сочетаются с мотивами тщеты бытия и преждевременного разочарования:

Узнал, узнал и я сей жизни сладость,
Твой поцелуй я пламенный сорвал!
Чего ж желать! — Пускай умчится младость,
Я осушил любви златой фиал.

Альбом первый (1823—1829) (№ 24) значительно отличается от сборника «Мечты»: здесь гораздо больше не только оригинальных стихотворений, но и шире круг переводимых авторов.

Всего в нем 146 произведений, в основном 1828—1829 гг. Наблюдения над датировками позволяют предположить, что в основе создания этого альбома лежит определенный авторский замысел, раскрыть который, к сожалению, не удалось. Возможно, он был задуман как сборник, основой которого явились произведения в ориентальном духе, такие, как «Ода Гафица», «Час блаженства» (арабский мауль), «Долги любви» (мауль), «Упрек» (мауль), «Обращение к душе» (из Саади) и др. Все оригинальные произведения этого альбома, которых по сравнению с переводами все-таки немного, тоже проникнуты ориентальными мотивами. Их сочетание с ана-

⁴³ Самые общие сведения об альбомах содержатся в кн.: Поэты 1820—1830-х годов. Л., 1972. Т. 2. С. 684. Ни один из альбомов опубликован не был, хотя многие произведения, входящие в них, появились в печати. Заметим кстати, что в альбомах имеются авторские пометы с указанием места и даты публикации, редко — создания стихотворения, а для перевода — источника.

креонтизмом в духе Батюшкова вообще является отличительной стилистической особенностью поэзии Ознобишина. Его «ориентализм» имеет свою эволюцию: от чрезвычайного увлечения им, доходящего порой до абсурда⁴⁴ (1820-е — середина 1830-х годов; альбом первый), к охлаждению (1850—1870-е годы; так называемый «незаконченный» альбом).

Среди оригинальных произведений альбома особый интерес представляют стихотворения «Раичу», «Поэт и светский человек», «Ермолову», «К птичке», «Меня обманула улыбка одна», «Тантал», «Первое признание». Встречаются и метрические эксперименты, склонность к которым характерна для поэтики Ознобишина (стихотворения «Водяной дух», «К Сильфу», «Сильф»⁴⁵).

Группа стихотворений под названием «Эпиграммы из греческой антологии» образуют цикл, который позднее получил название «Гинекион» (цензурный экземпляр — № 20). Снабженное предисловием и комментариями автора, это произведение вышло отдельным изданием в Петербурге в 1830 г.

Еще один цикл — «Сербские песни» включает десять переводов из сборника народных песен В. С. Караджича: «Сердитый конь», «Смельяна», «Потеря времени», «Праведная клятва» и др.⁴⁶

В альбоме первом много переводов из западноевропейской поэзии, особенно из «Ирландских мелодий» Т. Мура: «Уж Эрин бледнеет», «Юноша-певец», «Горный дух», «Вечерний звон» и др. Интерес Ознобишина к автору «Лалла-Рук» вполне закономерен.

Многие стихотворения вошли в последующие альбомы. Сравнительный анализ текстов показал, что каждый из них формировался в значительной мере на основе предыдущего.

Альбом второй (1830—1832) (№ 29) представляет собой довольно пестрое чередование стихотворных и прозаических фрагментов на русском, французском, английском языках и производит впечатление чернового, рабочего. Вероятно, он был подготовительным для альбома третьего: из 42 его

---

⁴⁴ В качестве примера приведем отрывок из стихотворения «Слеза монарха» (л. 67): «Но лучше всех сокровищ мира Монарха доброго слеза: Она душистей роз Ирана, Светлей сапфира Индостана».

⁴⁵ Другое название последнего стихотворения — «Фолетто»; это самый яркий метрический эксперимент, представляющий собой сложную полиметрию, некоторые «куски» которой написаны зыбким метром: «Когда младенец спит И сквозь сон смеется, Над его беззаботною Люлькой стою».

⁴⁶ Подробнее о них см.: *Петухов В. К.* Д. П. Ознобишин как переводчик сербских народных песен//Зарубежные славяне и русская культура. Л., 1978. С. 50—55.

стихотворений 20 вошли в альбом третий, в котором всего 139 произведений.

Альбом третий (1830—1847) (№ 21)— это собрание лучших произведений зрелого поэта. Он представляет всю его поэтическую палитру: оригинальные и переводные лирические стихотворения, баллады, литературные обработки народных песен, стихотворения романсного типа. Среди оригинальных произведений можно выделить тематические циклы. Например, стихотворения на библейские сюжеты — «Мария», «Тайная вечеря», «Хорев» и некоторые другие; стихотворения балладного содержания — «Альгама»,⁴⁷ «Вороной конь», «Покров».

Но, пожалуй, самые лучшие лирические стихотворения Ознобишина посвящены Кавказу: «Кавказская ночь», «Кисловодск», «Пятигорск», «Тоска по Отчизне», «Кавказское утро», «Машук и Казбек», «Прости, Пятигорск». К ним же следует отнести стихотворение «Турецкий кинжал» (1842), «являющееся, — по мысли Т. М. Гольц, — „ответом“ („назира“) на два стихотворения Лермонтова — „Кинжал“ и „Поэт“ (<...> Как это было принято в персидско-таджикской классической поэзии при создании „назира“, в стихотворении Ознобишина использованы образы и лексика произведений его предшественника, хотя и не соблюден стихотворный размер Лермонтова».⁴⁸ Это стихотворение, написанное на смерть Лермонтова, перекликается с другим — «Две могилы» (1841), в котором Пушкин и Лермонтов названы «жертвами рока». Интерес к творчеству Лермонтова проявился и в создании перевода на французский язык его стихотворения «Последнее новоселье» — «Le dernier domicile» (1843) (альбом третий, л. 224; более полный вариант — № 13, л. 10).

Увлечение Ознобишина фольклором нашло свое выражение в стихотворениях «Не туманы хладные», «Сердечное горе», «Ковыль», «Чудная бандура», очень разнообразных по степени фольклорной стилизации. Первые два произведения близки к фольклорным источникам, остальные же носят явные следы литературной обработки. Следует также сказать о романсах и стихотворениях романсного типа: «Попцелуй», «Голубые очи», «Ясны очи (I cattivi occhi)» (последнее было положено на музыку А. Алябьевым).⁴⁹

⁴⁷ См.: Испанская поэзия в русских переводах. М., 1978. С. 123—125, 928, 978. Здесь приведен текст этого стихотворения, подробный реальный комментарий, а также краткая биографическая справка об Ознобишине.

⁴⁸ Гольц Т. М. «Северная лира», ее издатели и авторы // Северная лира на 1827 год. М., 1984. С. 264, 266.

⁴⁹ О романсах на стихи Ознобишина см.: Песни и романсы русских поэтов. 2-е изд. М.; Л., 1965. С. 395—396.

В альбоме третьем находим и образцы работы Ознобишина над фольклором других народов, что само по себе очень характерно для того времени. Это новогреческие песни «Вороной конь», «Локон», «Умиравший клефт», эстонская песня «Старый холостяк», литовские песни «Пруд замерз» и «Сирота»,⁵⁰ сербская песня из сборника В. С. Караджича «Девица и рыбка», а также цикл произведений («Исповедь», «Две сестры», «Битва в дубраве», «Злой брат»), который был опубликован в «Московском наблюдателе»⁵¹ под общим названием «Шведские песни».⁵²

Круг переводимых Ознобишиным поэтов весьма обширен и разнообразен: это Парни («Виденье»), Беранже («Прекрасная швея», «Воспоминания народа», «Доктор и больной» и др.), Гюго («Взгляд», «Дервиш»), Р. Бернс («К маргаритке, которую сам в 1786 году срезал неосторожно плугом»), Шекспир («Отрывок из „Юлии и Ромео“, действие 3, явление 5), А. Шенье («К группе Юпитера, похищающего Европу»), А. Шамиссо («Обнаруженная тайна»), Ю. Кернер («Умиравшая мать»), Ф. Рюккерт («Я понял, не бьется лишь сердце в одной»).

Жанровое многообразие альбома третьего определило и многообразие метрико-строфическое: здесь мы встречаем балладную строфу («Две сестры»), белый стих («Мать и дочь») и многие другие размеры и строфы.

Наконец, так называемый «незаконченный» альбом (1830—1871) (№ 23). Он носит отпечаток общего характера позднего творчества Ознобишина, а именно след некоторой небрежности. Альбом скорее лишь начат: из 119 листов заполнены только 25. В основном это произведения 1867—1871 гг., среди которых можно отметить стихотворения «Молитва Господня», «Видение» (из Иова), «Дети Франции».

Рассмотренные альбомы дают необходимый материал для объективной оценки творчества Ознобишина. Ученик Раича, он воспринял от него идею о необходимости обогащения русской литературы путем привнесения в нее элементов других литератур. Особенность его ориентализма заключается в том, что в отличие от других поэтов, для которых восточные мо-

---

⁵⁰ Можно предположить, что эти переводы сделаны с немецкого источника: «Dainos, oder Latausche Volkslieder, gesammelt, übersetzt und herausgegeben von L. I. Rhesa» (Königsberg, 1825. S. 11, 23), поскольку сведений о том, что Ознобишин владел литовским языком, нет.

⁵¹ Московский наблюдатель. 1835. Ч. 2. С. 230.

⁵² По свидетельству В. С. Киселева-Сергенина, это переводы из сборника шведских народных песен Е.-Г. Гейера и А.-А. Афцелиуса «Svenska Folkvisor» (ч. 2. Стокгольм, 1816) (Поэты 1820—1830-х годов. Л., 1972. Т. 2. С. 689).

тивы и образы были лишь внешним антуражем для выражения традиционных романтических идей, он стремился сделать их элементами содержания, органично внедрив в ткань русского стиха. Однако несмотря на все эти новации, в целом его творчество не выходит за рамки традиционного «анакреонтичества» и, без сомнения, принадлежит к «школе гармонической точности». Ориентализм был одним из проявлений принципиальной особенности поэтики Ознобишина: начальной установки на перевод, подражание, стилизацию. Эта сознательная антиоригинальность и является отличительной чертой его творчества.

Помимо альбомов в архиве есть рукописи крупных переводов. Среди них стихотворный перевод четвертой части поэмы Т. Мура «Лалла-Рук» — «Светило гарема», 1830 г. (№ 31)⁵³ представляет особый интерес.

В 1827 г. в журнале «Сын отечества» появилось анонимное прозаическое переложение этой поэмы.⁵⁴ «Ни в тексте, ни в оглавлении, — писал академик М. П. Алексеев, — имя переводчика не обозначено; сохранились, однако, известия, что эта поэма привлекла к себе внимание нескольких переводчиков, в частности О. М. Сомова и Д. П. Ознобишина; тем не менее у нас нет достаточных оснований для того, чтобы мы могли приписать перевод в „Сыне отечества“ одному из двух <...> литераторов»;⁵⁵ «Ту же поэму „The Light of the Nagam“ под заглавием „Светило гарема“ перевел Д. П. Ознобишин <...>, но, по свидетельству его биографа, она „нигде не напечатана“ (Державин Н. А. „Забывшие поэты. Д. П. Ознобишин“. — Исторический вестник, 1910, № 9. С. 860)».⁵⁶

Выборочная сверка прозаического (1827) и стихотворного (1830) переводов показала, что текстуально они очень близки; кроме того, есть буквальные совпадения в авторских примечаниях к ним. Все это позволяет предположить, что сначала Ознобишин выполнил прозаический перевод, рукопись которого нам неизвестна, а позднее — стихотворный, который и остался неопубликованным.⁵⁷ Ему же принадле-

---

⁵³ Здесь — четыре списка перевода, дублирующие друг друга; второй и третий из них — цензурные.

⁵⁴ Сын отечества. 1827. Ч. 112, № 5. С. 27.

⁵⁵ Алексеев М. П. Русско-английские литературные связи. XVIII в. — первая половина XIX в. // Литературное наследство. М., 1982. Т. 91. С. 686.

⁵⁶ Там же. С. 800.

⁵⁷ Заметим кстати, что, по свидетельству Л. И. Володарской, поэма «Свет гарема» «была полностью переведена на русский язык <...> всего несколько лет назад В. А. Потаповой» (Мур Т. Избранное. М., 1986. С. 41).

жит перевод отрывка из поэмы «Лалла-Рук» на немецкий язык.⁵⁸

Следует назвать и перевод отрывка из V песни «Ада Данте — «Франческа Римини», который обладает несомненными художественными достоинствами: изящество здесь сочетается со стремлением к точности перевода.

Есть у Ознобишина и переводы драматических произведений: отрывок (начало) из драмы Кальдерона «Тайной обиде тайное мщение» (без даты) (№ 39); перевод с французского комедии Скриба и Мельвиля «Уроки гусарского полковника» (без даты, около 1840 г.) (№ 42); перевод с французского комедии И. Лука из «Испанского театра» — «Домовой» (№ 40; два списка, один из них автограф).

О последнем переводе следует сказать подробнее, так как его авторство, по-видимому, вызывало некоторые сомнения: в Театральной библиотеке Петербурга имеются два списка этого произведения,⁵⁹ причем автор в обоих случаях указан без инициалов (так же, как и в книге «История русского драматического театра», где есть сведения и о постановках: «Пб., 1857, апр. 24, 28»).⁶⁰ Сопоставление этих списков с оригиналом, на котором есть помета рукой Д. П. Ознобишина: «Представлена в первый раз на Александринском театре в среду, 24 апреля 1857 г.», показало, что все тексты действительно принадлежат ему.

Авторство же комедии «Семейные тайны» остается неустановленным. По свидетельству Б. Л. Модзалевского, она принадлежит Д. П. Ознобишину и была сыграна в Петербурге в 1865 г.⁶¹ Однако в четырех списках этого произведения, также хранящихся в Театральной библиотеке, указан другой автор — И. Ознобишин, как и в «Истории русского драматического театра»: «Семейные тайны. Комедия в 3-х действиях И. И. Ознобишина. Сюжет заимствован из немецкой комедии „Der Herr Vater“». ⁶²

В архиве Ознобишина хранится множество материалов, связанных с его занятиями восточными языками и литературой: это переводы художественных произведений, исследования по литературе и грамматике, публицистические статьи. На наш взгляд, несомненную художественную ценность представляет рукописный сборник «Арабески, или Собрание во-

⁵⁸ ИРЛИ, ф. 388, оп. 1, № 185.

⁵⁹ В этих списках указаны действующие лица и актеры, в конце рукописи имеется план декораций. На одном из экземпляров есть цензурное разрешение от 13 марта 1857 г.

⁶⁰ История русского драматического театра. М., 1980. Т. 4. С. 317.

⁶¹ Русский биографический словарь. СПб., 1905. Т. 12. С. 199.

⁶² История русского драматического театра. Т. 5. С. 512.

сточных повестей» (без даты, около 1840 г.?) (№ 46). В предисловии автор писал: «Некоторые из сих повестей были напечатаны в разных альманахах и журналах. Я собрал их, пересмотрел и дополнил многими новыми, еще до сих пор никем не переведенными. В примечаниях, прилагаемых к каждой из сих повестей (...), я старался (...) ознакомить читателей моих с нравами и обычаями жителей Востока; для этого поместил я в них несколько анекдотов, заимствованных мною из сочинений писателей известных; а в конце биографию Гарири, писанную Эбн-Хильканом» (№ 46, л. 4).

В сборник вошли «восточные» повести «Посещение», «Идеал», «Соперничество шести невольниц» (из «Тысячи и одной ночи»), «Спор», «Караван» (из Гарири), «Желание», «Любовь», «Вор», «Золотая монета» (из Гарири).

По свидетельству биографа Ознобишина, ему принадлежат «переводы (...) некоторых из Макама или Бесед Гарири,⁶³ из которых напечатана только одна «Золотая монета»,⁶⁴ а прочие остались в рукописях».⁶⁵

Вероятно, специалистов заинтересуют исследования Ознобишина, посвященные восточным литературам и языкам: «Рассуждение об языке и словесности персидской», «О поэзии арабов», «История персидской словесности» (№ 44); «О персидской литературе» (№ 45); «Персидская грамматика» (№ 47);⁶⁶ «Материалы к составлению персидской грамматики» (№ 48); «Материалы по составлению персидско-русского и русско-персидского словаря» (№ 49); перевод с латинского персидской грамматики Фридриха Вилькена (№ 50); «Список книг, вышедших по части восточной словесности в России» (1825) (№ 67).

Что касается литературоведческих работ, то большая часть из них не завершена, хотя есть и исключения — статья «Рассуждение об языке и словесности персидской». В целом же все они так или иначе нашли свое отражение в программ-

---

⁶³ Макамы — это жанр плутовской новеллы в средневековой арабской литературе, непревзойденным мастером которого был Гарири (Харири) (XI в.). Особенность произведений, написанных в этом жанре, заключается в том, что автор «отказывается от половины азбуки или пользуется лишь словами, начинающимися звуками „с“ или „ш“, притом попеременно, и это не отражается на стройности рассказа» (Литературная энциклопедия. М., 1932. Т. 6. С. 706).

⁶⁴ Золотая монета (Динарийская макама). Перевод Д. П. Ознобишина. Публикация И. Фильштинского // Осень в горах. Восточный альманах. М., 1979. Вып. 7. С. 529.

⁶⁵ <Горизонтов А. П.> Биография Д. П. Ознобишина. СПб., 1878. С. 12.

⁶⁶ На рукописи имеется архивная помета: «Издана сыном, И. Д. Ознобишиным».

ной работе «О духе поэзии Восточных народов и рассмотренные статьи Московского Телеграфа под заглавием: „Новейшие исследования и сочинения касательно восточных литератур и древностей“». ⁶⁷

Есть у Ознобишина «Новое вступление в русскую грамматику», статья, написанная в шутовском тоне (№ 35, л. 7). Речь в ней идет об азбуке: ставя под сомнение необходимость многих букв, таких, как «ер», «ять», «фита», «ижица», автор в то же время понимает, как трудно с ними расстаться. В заключение, ссылаясь на сложность предмета, он обещает издать новую грамматику через 30 лет.

Значительную часть архива Д. П. Ознобишина составляет переписка, среди которой есть документы, представляющие несомненный интерес для истории русской литературы. Прежде всего это письма С. Е. Раича, которые чрезвычайно важны для понимания целей и задач его кружка. ⁶⁸ Приведем лишь один, впрочем, достаточно известный отрывок из письма Раича к Ознобишину (от 20 ноября 1825 г.): «Слово о простоте. Я той веры, что если мы достигнем до той благородной простоты, которая владычествует в творениях Италианцев <...> то мы, Русские <...>, будем самые роскошные гости на пиру у Муз — но для этого нам надобно много писать и еще более переводить — и именно переводить те творения, в которых преимущественно владычествует простота благородная, и переводить как переводили Италианцы — с благоразумною свободою. — По моему мнению, творение вкуса должно срисовывать по глазомеру — по навыку глаза и чувств, но не по циркулю <...> Когда дело дойдет до переводов, — мне всегда приходит на мысль Ариост. — Кто переведет его — и переведет по образу нашего <мнения>, тот окажет величайшую — неоценяемую услугу Русской словесности. В его творении — в этом <особом> — необыкновенном мире столько вещей — столько вещей — для нас, у нас — мертвых; оживите их и вы доставите неисчерпаемый запас новых пиитических выражений, оборотов, слов, картин; — тогда бы все для нас — на нашем богатом языке *опоэзилось*, если смею так выразиться...

⁶⁷ Сын отечества. 1826. Ч. 105. № 4. С. 382—402; Ч. 106. № 5. С. 63. № 6. С. 161. № 7. С. 272. № 8. С. 351.

⁶⁸ Отметим кстати, что в одном из материалов архива К. А. Шимкевича есть такое замечание: «Кружок Раича задавался целью создать настоящую историю поэзии <...> Французское стало сменяться немецким, и прежде всего в кружках, салоны сдавались с трудом. <нрзб.> Кружки Раича и другие решительно переходили на переводы и обучение по переводам и Шиллера и <других> поэтов» (ИРЛИ, ф. 828, «История русской литературы», папка № 6).

Куда-куда меня влечешь,
Италия златая!..

Чтобы дополнить это опоздание нашего языка, надобно перенести к нам поэзию Востока. Этот благороднейший, прекраснейший труд предлежит вам, любезный друг, конечно вам, по крайней мере значительною частию. — Нам, соседям Востока, не знать Востока, не пользоваться его богатствами! Это бы значило добровольно отказаться от завиднейшего участка в имении. Подвизайтесь, подвизайтесь, любезный друг» (№ 135, л. 3 об. — 4 об).⁶⁹

Еще один документ, касающийся кружка Раича, — это письмо Ознобишина В. Ф. Одоевскому, предположительно датированное 1823 г.: «В качестве Секретаря Общества я сделал вчера анахронизм, сказав вам, что собрание будет во вторник; прошу объявить почтенному Николаю Алексеичу <Полевому>, как члену Общества, что вторники у нас отменены и что собрания впредь будут делаться только по пятницам, каждую неделю. Если увидите почтенного г. Кюхельбекера, возьмите у него мою книгу: *Firdusi* <...>» (№ 100, л. 2).

Однако письма 1820—1830-х годов в рассматриваемом архиве — редкость; большая же часть относится к 1840—1870-м годам, когда Ознобишин состоял в переписке с В. А. Жуковским, В. Ф. Одоевским, П. А. Вяземским, В. П. Титовым и некоторыми другими.

Эта переписка интересна для понимания взаимоотношений литераторов, чья активная творческая деятельность приходится в основном на первую четверть XIX в. Для них время уже стерло некогда острые литературные разногласия, круг их постепенно становится все уже и уже, и теперь этих очень разных людей объединяет именно причастность к литературе 1820—1830-х годов.

В качестве иллюстрации этих отношений приведем отрывок из чернового письма Ознобишина П. А. Вяземскому от 4 марта 1876 г. (№ 86, л. 1): «С сердечным восторгом прочел я, душевно уважаемый Князь, вдохновенные стихи Вашего Сиятельства, посвященные Памяти нашего друга — труженика М. П. Погодина. Не дождался он возрождения славянских братьев, к чему постоянно стремились все его сердечные помыслы <...> Прилагаемое у сего <письма> мое к Вам приветствие прошу Вас принять как дань моего глубоко-

---

⁶⁹ *Васильев М.* Из переписки литераторов 20—30 гг. XIX в. С. 175. Публикуется по источнику, т. к. текстологическая работа и комментарий, выполненный М. Васильевым, не вполне отвечает современным требованиям.

кого к Вам уважения, дань нестареющему таланту, — оно было внушено Вами, так прекрасно и тепло выразившему (?) давно минувшие дни нашего незабвенного, уже не существующего литературного кружка. Совершенно (...) повторю я словами Вашими:

Все было в той поре заманчиво и ново,
Дух свежий обхватил сподвижников младых.
В народе отзыв был на каждое их слово,
Заслушивался он речей и песней их!»

Переписка Д. П. Ознобишина с В. П. Титовым содержит, в частности, сведения о кончине В. Ф. Одоевского:

«Суббота, вечер, 1 марта (1869). Лишь теперь успеваю вкратце написать тебе, любезный и дорогой Дмитрий Петрович. Ты, может статься, видел Веневитинова или кн. Вяземского, а потому уже знаешь горе, постигшее весь наш Московский дружеский круг. Третьего дня, четверг, в 4-м часу пополудни не стало там Одоевского. В воскресенье он казался еще совсем здоров и провел вечер на чтении у Кошелева.

— Здесь назначается поминовение в среду, в домовый церкви Мин(истерст)ва просвещения. Будет опубликовано в газетах.

— Грустно, брат, очень грустно. Потом заверну к тебе. Весь твой Титов» (№ 139, л. 13—14).

В ответ Дмитрий Петрович писал: «Смерть незабвенного и всеми нами горячо любимого Князя Владимира Федоровича Одоевского глубоко меня поразила; так что невольно вырвалось из души:

4 марта 1869.

Наш скромный круг друзей науки
Редает с каждым новым днем,
Знакомые живые звуки
Уж многих мы не слышим в нем.
Не буду исчислять утраты,
Кого на переключке нет:
Их имена для сердца святы,
Их жизни памятен нам след;
Но вот над свежеею могилой
Молебный вновь несется глас:
Внезапно, полный жизни силой,
Наш Князь Одоевский уга! . . .»

(№ 107, л. 1)

Из этой же переписки подробнее узнаем о круге знакомых Ознобишина: «Сегодня, бесценный Владимир Павлович, (...) я все утро кружился по городу, был у старых знакомых: графа Корфа, П. А. Валуева, князя П. А. Вяземского

и посетил Аполлинарию Михайловну Веневитинову, которой Вы дали обещание на днях у нее отобедать вместе с нашим милым москвичом М. П. Погодиным, доставившим мне на прошедшей неделе приятнейшее удовольствие литературным вечером у Аполлона Николаевича Майкова.⁷⁰

Кроме того, эпистолярное наследие Ознобишина включает письмо к В. А. Жуковскому от 14 марта 1841 г. с приложением стихотворения «Могила» (№ 91, л. 90); два письма Н. В. Гербелю по поводу участия в антологии «Английские поэты», 1874 г. (№ 88, л. 1—2); письмо С. С. Уварову с приложением стихотворения «Русская слава», которое является своего рода апофеозом русского самодержавия, 1841 г. (№ 108, л. 3); письмо неизвестного к Ознобишину по поводу публикации в журнале «Московский телеграф» статьи Полевого о Карамзине от 30 января 1829 г. (№ 144); наконец, обширнейшую переписку с Н. Т. Аксаковым (№ 71 — без даты, около 1841 г.; № 72, л. 63 — 1858 г.; № 119, л. 110 — около 1840 г. и др.); переписку с И. Ф. и В. П. Базилевскими (№ 75 — 1859—1876 гг.; № 76 — 1858—1874 гг.; № 78 — 1863—1876 гг.; № 226, 227 и др.).

В письмах, адресованных Ознобишину, иногда встречаются списки стихотворений, в том числе прижизненные копии произведений Пушкина.

Об одной из них Л. А. Черейский писал: «Перцов сообщил адресату неопубликованное стихотворение Пушкина „Мой милый, как несправедливы“ (текст его, близкий к тексту, опубликованному в „Полярной звезде“ на 1825 г.,⁷¹ не учтен в академическом издании сочинений поэта)». ⁷² Речь идет о списке стихотворения «Алексееву» (1821), который Э. П. Перцов послал Ознобишину в письме от 29 января 1824 г. (№ 134, л. 1 об. — 2 об.). Эта копия насчитывает 52 стиха и имеет разночтения с каноническим текстом в 18-м стихе: «Как мой *затейливый* проказник» (вместо «*задумчивый*»). Кроме того, после стиха «Во время оно и со мной!» следуют еще 8 строк, которые встречаются лишь в вариантах академического издания (вариант текста, опубликованного в «Полярной звезде»):⁷³

И что ж? Изменой хладнокровной
Я ль стану дружеству вредить?

⁷⁰ Черновое письмо от 6 февраля 1872 г.: № 107, л. 11.

⁷¹ Уточняя эту характеристику, отметим, что тексты практически совпадают, не считая одного расхождения, которое, вероятно, является опiskой: «Иль снова тактики любовной» (в «Полярной звезде»: «И снова...»).

⁷² Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Л., 1988. С. 327.

⁷³ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. [М.; Л.], 1949. Т. II (2). С. 734.

Иль снова тактики любовной
Уроки хитрые твердить?
Люби, ласкай свои желанья,
Надежде, сердцу слепо верь! . . .
Увы! Пройдут любви мечтанья,
И будешь то, чем я теперь!

(№ 134, л. 2—2 об.)

Главным же образом этот список интересен тем, что представляет бытование пушкинского текста почти за год до публикации.

Необычна копия стихотворения «Свободы сеятель пустынный» (1823), выполненная рукой неизвестного (№ 189, письмо не датировано). Это уникальное сочетание пушкинского текста с четверостишием Б. М. Федорова «Всегда так будет, как бывало. . .»,⁷⁴ оформленное как единый текст. В нем нет строфического деления, много нарушений авторской пунктуации, есть расхождения с пушкинским текстом: «Паситесь, *добрые* народы!» (вместо «*мирные*») и «*На что стадам дары свободы?*» (вместо «*К чему*»). Этот список тоже не учтен в академическом издании.

В заключительном разделе архива «Рукописи разных лиц» есть один любопытный документ — тетрадь, принадлежащая Владимиру Александровичу Андерсону, писателю и карикатуристу, содержащая замечательные по своей выразительности карикатуры на Д. Д. Минаева, А. А. Краевского, А. В. Старчевского, А. Н. Майкова (№ 162, л. 131 об., 132, 178 об., 208).

---

⁷⁴ Это четверостишие, как установила Т. Г. Цявловская-Зенгер, «(. . .) должно быть исключено из текстов Пушкина. Оно приписывалось ему ошибочно. Автором его (. . .) является Б. М. Федоров» (*Пушкин А. С. Полн. собр. соч. [М.; Л.], 1959. Т. XVII (Справочный). С. 23*).